

Моей любимой команде:
Саре Браунштейн, Кейт Кристенсен,
Льюису Робинсону, Биллу Рурбаху

А также женищинам, заключенным в тюрьмы,
где бы они ни находились

ГЛАВА I

Вайолет

Комната для свиданий именно такая, каким и должно быть практичное казенное помещение. Безликая унылая коробка, две крепкие стены, передняя и задняя, и ряды окон по торцам. Один ряд выходит на Волю, она за переплетением колючей проволоки, на которой иногда сидят щеглы, за проволокой видна бугристая покатая полоса земли, кустики и заросли не пойми чего, меняющие цвет в течение года. В тот день мне исполнилось двадцать два, срок у меня маленький, но все равно кажется бесконечным; из укрытой снегом и оттого голубоватой земли там и сям торчат увядшие стебельки, будто взывают о помощи.

Стены голые, не считая плаката с инструкцией, как оказать первую помощь. Из мебели только стол и тринадцать жестких до ломоты в заднице стульев без подлокотников. На самом деле столов два, они составлены вместе, и на них только наши листки бумаги, ручки и книга, которую обсуждаем. Цветовая гамма небогата, от серовато-коричневого до телесного цвета, как у пластыря «Бэнд-Эйд», но, когда

мы собираемся здесь, комната будто оживает, наполняется теплом.

Второй ряд окон выходит в главный коридор, а по другую его сторону еще один ряд окон — столовка; здесь вообще что ни стена, то с окнами. И дверями. Все устроено так, чтобы лишить вас личного пространства.

Я до сих пор отчетливо помню тот день — двенадцать одетых в голубое женщин, сухие ладони либо сцеплены, либо растопырены, либо барабанят по столу, а во главе стола — Книжная дама в строгой блузке на пуговичках, с рисунком в виде веселых зеленых пчелок, и она рассуждает о книге, которая нам всем дико не нравится. Но чувствую я себя, как обычно чувствую в Книжном клубе. Наверное, как и остальные. В безопасности.

Книга называется «Рубцы», якобы правдивый рассказ о знаменитой женщине-кардиохирурге, которая росла среди грязи. Настоящей, буквальной грязи дрянного дворика в Восточном Техасе. Грязь плюхали ей на утренние кукурузные хлопья, называя за чтение газет.

Дона-Лин, как всегда, первая. Она заправляет свои жиденькие волосы за уши.

— Какое нам дело до богатенькой врачихи, для которой самая большая трагедия — нью-йоркская зима?

— Снега, что ли, дамочка не видела? — поддакивает Рене. — Спустить бы ее на землю.

Как почти все мы тут, Рене и Дона-Лин выросли в Мэне, и нам удивительно нитье по поводу пары дюймов снежной слякоти под ногами, когда знаменитая докторша с парной детской коляской переходит блядскую Пятую авеню.

— Как можно шестнадцать лет жевать грязюку и вдруг заделаться знаменитой кардиохирургшей? — недоумевает Киттен.

— Как можно шестнадцать лет жевать грязюку и вдруг родить милых близняшек с симпатными ямочками? — Это уже Шейна.

— Да я даже харчка пожалею на нее, — заявляет Джасинта.

— Да хрен я поверю, что ее забулдыжные родители тайком получили образование и имели какой-никакой талант, — вставляет Мариэль.

— Врет она все. — Это Дороти.

— Талант не скроешь. — Дженни Большая.

Словно сговорившись, мы замолкаем и смотрим на Дону-Лин. На моем первом Общем собрании она выдала все веселые номера из своего давнего школьного спектакля «Парни и куколки»*, так что даже надзиратель хохотал. Дороти, у которой шестеро детей и проблемы с мочевым пузырем, тогда в буквальном смысле описалась. А я, перепуганная новенькая, так смеялась, что вдруг уверилась: следующие двадцать восемь месяцев выдержу и не умру от отчаяния. В то же время все это грустно, ведь у Доны-Лин по прозвищу Шоу-Тайм прямо-таки бродвейский голос, благодаря которому у нее должна быть совсем другая жизнь. Одно верное решение, один правильный поворот — и вот она уже позирует в вечернем платье с премией «Тони», а не кривляется в голубой робе перед зрителями на Общем собрании.

* Мюзикл Фрэнка Лессера, Джо Сверлинга и Эйба Берроуза (1950). — Здесь и далее примеч. перев.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — говорит Книжная дама. Она всегда понимает, потому что была учительницей английского, а теперь на пенсии и обожает «живые» обсуждения. К тому же к нам она хорошо относится. — Однако, — добавляет она, как всегда, — чтобы чтение стало упражнением в сопереживании, надо относиться ко всем героям как к своим братьям.

— Даже к тем, которых мы не понимаем? — подает голос Бритти; у нее острый нос и темные полукружья под глазами, совсем как у енота.

— Даже если они не нравятся? — добавляет Дженни Большая.

— Даже если ненавидишь их до того, что нутро горит? — заключает Дезире.

Книжная дама, милая пожилая женщина с приятным, располагающим лицом, волнистыми пепельными волосами и мягкими, дрябловатыми щеками, разжимает руки.

— Вот видите. Вы уже пытаетесь их понять.

Ее мысль о братьях неплоха в теории — у Книжной дамы куча теорий, особенно о сопереживании, — и все же нам требуются изрядные усилия, чтобы принять знаменитую и успешную докторшу в свою семью.

За полтора года заседаний клуба Книжная дама испробовала самых разных авторов, от Вирджинии Вулф до Зэди Смит, и у нас имелись претензии ко всем. Претензии — это наша фишка. Это почему-то придает сил. Книжная дама этого так и не поняла.

И не то чтобы у нас не было предпочтений. Нам полюбилась классика — начиная с прошлой осени, когда мы сказали, что хотим обсуждать что-то

известное, читанное многими в старшей школе. «Убить пересмешника», «О мышах и людях», «Великий Гэтсби».

Те книги были словно родные. Они помогли нам пережить зиму, а она выдалась суровой — слишком много снега и слишком мало прогулок.

«Итан Фром»* была последней книгой в той череде, и я прочитала ее как-то по-новому. После несчастья, случившегося с Итаном, когда он катался на санках, красавица Мэтти превращается в сухую каргу. В общем, книга о том, что жизнь — отстой, и даже тот, кто заслуживает любви, остается ни с чем.

До тюрьмы я была читателем более снисходительным.

— Автору следовало назвать книгу «Итан Фром, Бог тебя на дух не переносит», — заметила тогда Дона-Лин.

Книжная дама, естественно, спросила, что мы думаем о Боге, и все оставшееся время ушло на обсуждение этого вопроса.

Каждую пятницу, два часа подряд, книги, книги, книги. Когда мы заканчиваем обсуждать книгу, нам отдают ее насовсем, и это не какая-нибудь ерунда — можно козырять стопкой побед у себя под кроватью.

Сегодня, на исходе безотрадной зимы, мы обсуждали сцену, когда знаменитая докторша в лифте своего дома знакомится с красавцем-финансистом — будущим мужем. Мы уже знаем этого парня, чья несносность все двадцать семь предыдущих глав остается незамеченной для автора, но героиня

* Роман Эдит Уортон (1911).

возвращается к их первой встрече, чтобы показать, что жизнь — спираль, но до поры до времени ты этого не осознаешь.

Точно подмечено. Надо отдать ей должное.

Тут Шейна ни с того ни с сего принимается рассказывать, как бойфренд выбросил ее одежду из окна их квартиры на втором этаже из-за того, что она отказалась сделать ему минет перед работой. Даже для Книжного клуба это чересчур, хотя чтение занудных книг о счастливицах, считающих, что жизнь у них была не сахар, всегда развязывает нам языки.

— И мой так делал, — вступает Дезире. Волосы у нее, хоть и заплетены в косы и уложены многоярусной башенкой, выглядят унылой и тусклой лепешкой. Как и глаза, унылые и тусклые. — С третьего этажа, и одежду, и сумочку, и фигурки слоников — вдребезги по всей улице.

Следующая — Джасинта:

— С четвертого этажа. Вещи, сумку, мамины украшения.

— И у меня, — говорит Рене. — С пятого этажа. Еще и мою кошку. — Рене низенькая, смуглая и милая, и мне не по себе от мысли, что в окно выбросили кошку.

И так постоянно. Игра в «Кому хуже всех», в которой почти всё правда.

Потом Эйми. Малютка Эйми, на вид лет двенадцать и дрожит, как полевая мышка.

— Муж выбросил моего ребенка. Моего ребенка в окно. Одежда меня вообще не волновала.

Книжная дама молча слушает. Наверное, поэтому все и говорят. Она может задать «наводящий во-

прос», как тот, про Бога, и пошли тары-бары, пока она не «закруглит обсуждение» и не спросит еще о чем-нибудь.

Обычно, когда тут появляется новенькая, мы не особо вдаемся почему, даже если причина ее появления здесь мусолилась в новостях, — нам либо нет дела, либо успеваем забыть. Но если причина «выкинули ребенка из окна» (младенец не выжил, и Эйми все время плачет), такое точно не забудешь. Так что иногда мы знаем. В любом случае о причинах мы не говорим. А говорим о том, что было «до»: о семьях, бойфрендах и подругах, мужьях, родителях, детях, если они есть. О работе и увлечениях. О людях и предметах на Воле, по которым скучаем (список без конца и без края). Что мы ели. Где мы жили. Старые телешоу. Кого мы любили и ненавидели. Ни слова о своей причине, даже если все знают. Про меня знают.

Что касается Эйми, ее причина — на самом деле муж. Ребенка вышвырнул в окно он. А суд присяжных из якобы таких же, как она, в это не поверил. Представьте себе зал суда: муж — импозантный инженер-строитель, жена (Эйми) — жалкая молодая мать в такой сильной депрессии, что адвокаты даже не могут добиться, чтобы она причесалась перед заседанием. И ее отправляют в заведение, где она на заседании Книжного клуба плачет по своему малышу, а муж живет себе на Воле и руководит проектом строительства моста. Возможно, однажды он выбросит еще одного младенца, уже в другое окно, и тогда дело Эйми отправят на повторное рассмотрение, а у нее наконец перестанут выпадать волосы. Вот на что мы все надеемся, ведь малютка Эйми такая

нежная, ну вылитый воробушек. Если бы она была чудовищем в шрамах от прыщей, бритой, с огромными болтающимися сиськами — не будем называть имен, — тогда бы мы, как и все остальные, присяжным поверили. Людям это свойственно.

Книжная дама вдруг замолчала, задумалась. Дезире, сидящая напротив меня, поймала мой взгляд: «Ого».

Мы зовем ее Буки. Буки, Книжная дама. В первый день она представилась как Харриет. Разумеется, без фамилии — здесь куча правил, — но не прошло и месяца, как мы узнали и фамилию (Ларсон), и на какой улице она живет (Белмонт), и марку машины (темно-синяя «тойота-королла»). А полтора года спустя мы знаем, что у нее дочери, Энни и Эллен, обе замужем, живут в Лондоне. И племянница, дочь покойной сестры, которая скоро едет в Калифорнию, в аспирантуру, и это немного расстраивает Книжную даму. Дом у нее в стиле королевы Анны, с широкими подоконниками, которые обожает Тэбси, черно-белый кот с избыточным весом, которого часто тошнит.

Все это знать нам про человека с Воли не положено. Наш учитель математики, крупный мясистый парень из местного колледжа, даже не назвал своего настоящего имени, неудачно пошутив про кликухи. Однако Книжная дама, несмотря на ее методические материалы и распечатанные планы уроков, относится к нам как к группе собравшихся поболтать девчонок.

Книжная дама продолжала задумчиво молчать. На спинке ее стула — плотная холщовая сумка-шопер с надписью «Ешь, спи, читай». За спиной —

скучная задняя стена Комнаты для свиданий. Слева, с Воли, струится солнечный свет, и морщинки на тыльной стороне ее ладоней вспыхивают на солнце, будто звезды.

Постепенно все тоже затихают — довольно быстро, — и будь я Книжной дамой, мне бы не пришло в голову ходить сюда раз в неделю, чтобы тусоваться с неблагодарными, которым не по душе мой книжный выбор. Из пятнадцати книг, которые она к тому времени принесла нам, ни одну не встретили с единодушным одобрением.

В неподвижно-отрешенном взгляде Книжной дамы столько нежности и загадочности, что я радуюсь, что прочла все пятнадцать книг. В здешней библиотеке, господи, сплошь любовные романы и шпионские истории про двойных агентов. Не могу сказать, что прямо полюбила «Великого Гэтсби», но порой одно искрометное предложение вдруг возьмет и разбередит тебе душу.

Так мы мчались навстречу смерти в сумраке остывающего дня*.

Такое предложение может перенести тебя из дерьмовой дыры, где ты оказался, в какое-нибудь другое место. Или, напротив, помочь осознать, что ты в дерьмовой дыре.

Книжная дама разглядывает свои руки. Возможно, решает, как дипломатично и по-доброму сказать, что ей все надоело. Но нет. Она снимает очки и говорит:

— Ни разу за все мои шестьдесят четыре года ни один мужчина не выбросил в окно мои вещи.

* Перевод Е. Калашниковой.

Можно было почти услышать, как вся комната расслабляется, будто выпущенный из рук воздушный шарик.

— Повезло вам, Буки, — замечает Джасинта; из-за близко посаженных глаз она выглядит вечно злой и хмурой, но на самом деле она не такая.

— Да, Джасинта. Мне повезло, — соглашается Книжная дама.

— Везет не всем, — замечает Киттен.

— Киттен, я вышла за мужчину, который меня любил.

— О-ля-ля, да это же Лу, — догадывается Рене. У нее интонации настоящей франко-канадки из Мэна. «О-ля-ля».

— Да, Рене. Мой милый Лу.

— Но ведь он умер, — говорит Мариэль — дочь фабричного рабочего, мускулистая и нежная одновременно.

— Ну да, Мариэль. Но мы прожили хорошую жизнь.

— Когда ваша племянница умотает в Калифорнию, — вступает Шейна, — у вас останется один лишь Тэбси.

— Однако, Шейна, из Тэбси получится отличный муж, — отвечает Книжная дама, и все мы смеемся, потому что и сами успели привязаться к Тэбси. Да и Книжная дама не собирается нас бросать.

И вот мы уже снова обсуждаем, говорим об удаче, о книгах, о жизни и почему безупречные близнецы у автора «Рубцов» не заслуживают детсада стоимостью сорок тысяч за ребенка.

— Надо же, — Книжная дама неодобрительно смотрит на настенные часы, как будто они здесь,

чтобы испортить нам удовольствие, — пора заканчивать.

Этот момент для меня всегда наступает неожиданно. Открывается дверь, и к нам врывается реальность. Вопль из четвертого Прохода. Эхо лязгающих железных дверей, когда надзиратель выходит из одной и входит в другую. Металлический стук из столовой.

— Погодите-ка, прежде чем я уйду, у меня для вас сюрприз, — говорит Книжная дама, и это всегда означает новую книгу. Она ставит тяжелую сумку на стол и достает стопку. — Написано в сороковых годах, но звучит вполне современно, вот увидите. Книгу называют романом, но на самом деле в ней две новеллы.

Слышен одобрительный шепот: «новелла» звучит даже круче и, по крайней мере, не должна быть длинной.

— Книга о брате с сестрой в переломный момент жизни каждого из них. Это перепутье у каждого свое, но они связаны между собой. Сестра переживает то ли кризис веры, то ли нервный срыв. Разве не было бы здорово обсудить, что именно? — Она раздает каждому по экземпляру книги «Фрэнни и Зуи» Дж. Д. Сэлинджера.

Всплеск энергии, оживление, ведь некоторые из нас этого автора уже знают. Как я уже говорила, мы любим то, что знаем. То, что «до». Книжной даме это известно.

Я беру свой экземпляр. Мне нравится ощущать в руках вес книги. А эта еще и красивая. Небольшая и тоненькая, простая белая обложка с приземистыми черными буквами.

— Спасибо, Буки, — говорим мы.

— И помните, — советует Книжная дама, — если герои не совсем такие, как нам бы хотелось...

— ...они наши собратья, — говорит Дороти.

Мы встаем, чтобы уйти, у каждой в руках теперь две книги — снизу та, что не понравилась, сверху новое начало.

— Я читала «Поющие в терновнике» в восьмом классе, — сообщаю я Книжной даме.

— И я, — добавляет Бритти.

— «Поющие в терновнике» — книга для наивных, — отвечает Книжная дама, а Робертс, самый противный из здешних надзирателей, угрожающе маячит за дверью — не дай бог мы задержимся в Книжном клубе на две лишние секунды. — А эта — для людей с кое-каким жизненным опытом за плечами.

Нам нравится такое объяснение. Мы женщины, кое-что пережившие. И кое-что знающие.

Приятное чувство не покидает меня до самого коридора, и тогда — вот и я. Или лучше сказать, вот и мы. Говоря «мы», я имею в виду не только остальных женщин, но и души, явившиеся сюда вместе с нами, невидимые, но присутствующие, будто парящие привидения. Кто-то из них жив, обитает на Воле, сильно изменившийся — возможно, навсегда — в результате наших действий. Бывают дни, когда все спокойно, ни на кого не накладывают взысканий, никого никуда не волокут, никого не тащат в Аквариум, и даже начинает казаться, что ты не в отделении деменции где-то на Марсе, а в приюте для брошенных питомцев, тихих песиков, и в такие вот дни я почти вижу их, наши причины, они

вьяются, точно дымок. Как своеобразные ангелы-хранители. Хранят нашу память о них. Плывут среди нас, тихие и покорные, и никогда не исчезнут.

Когда темнеет, в тишине своей койки можно ощутить их вкус, похожий на пепел от пожара.

Мы об этом не говорим. Но знаем. Знаем это друг о друге.

Наши причины встают перед нами по утрам и шепчутся с нами по ночам. Моя — невинная и ничего не подозревающая вечно шестидесятиоднолетняя женщина по имени Лоррейн Дейгл. Она теперь часть меня, костяной осколок, спаянный с моей костью.

По вечерам, когда двери заперты и молитвы прочитаны, я бормочу: «Спокойной ночи, Бритти», и Бритти шепчет: «Спокойной ночи, Вайолет». Потом, в благословенном личном пространстве, внутри своей головы, я шепчу: «Спокойной ночи, Лоррейн». Мысленно шепчу это каждый вечер. Мне двадцать два, и я не знаю, сколько еще Бог дарует мне дней, но зато знаю, что буду мысленно шептать «Спокойной ночи, Лоррейн» в конце каждого из них, всех до единого.